

лось ему привести въ исполненіе намѣренія своего наканунѣ. Атака была назначена однимъ днемъ прежде. Въ диспозиціи назначено было Дорохову выйти на дорогу у Спасъ-Купли, соединясь съ отрядомъ графа Орлова-Денисова, для дѣйствія непріятелю въ тылъ. Переменная дня не позволила Дорохову участвовать въ дѣлѣ, что сердило старика“.

При полученіи извѣстія о Тарутинскомъ сраженіи въ Наполеонѣ сказалась вся прежняя энергія: масса всевозможныхъ приказовъ, отъ самыхъ важныхъ до мелочныхъ, сразу вылились изъ его головы. Къ вечеру этого дня вся армія уже пришла въ движеніе. До свѣта 7-го октября императоръ самъ выѣхалъ изъ Москвы, громко заявивши, „что двигается на Калугу, и горе тому, кто вздумаетъ ему преградить дорогу“.

8-го октября Мортѣ получилъ отъ Наполеона, находившагося тогда въ селѣ Троицкомъ, повелѣніе очистить Москву и итти прямо черезъ Кубинское на Верею. При выходѣ изъ Москвы, онъ долженъ былъ зажечь Кремлевскій дворецъ, казармы, уцѣлѣвшія казенныя зданія и взорвать Кремль, къ чему уже дѣлались приготовленія. Жителямъ запрещено было, подѣ страхомъ смерти, подходить къ Кремлю или собираться на улицахъ. Вскорѣ приблизился къ Москвѣ изъ Черной грязи отрядъ Винценгероде. Передовыя его войска имѣли стычки съ непріятельскими между Петровскимъ дворцомъ и Тверскою заставою въ Москву пригласить Мортѣ на переговоры, но былъ захваченъ въ плѣнъ и увезенъ французами.

А. И. Чернышевъ.

вою; казаки неоднократно прорывались въ улицы, и 24 донца проскакали даже мимо Кремля, по всему городу, до Серпуховской заставы. Отъ нихъ и отъ посланныхъ въ Москву переодѣтыхъ полицейскихъ офицеровъ Винценгероде узналъ, что французы подводятъ мины подъ Кремль. Желая, во что бы то ни стало, воспрепятствовать имъ въ этомъ намѣреніи, Винценгероде, безъ мѣръ предосторожности, поскакалъ

Любопытны слѣдующія строки письма, по этому поводу, императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери:

„Я имѣла сегодня удовольствіе видѣть Винценгероде, который былъ взятъ въ плѣнъ мѣсяцъ тому назадъ и теперь освобожденъ по пути въ Варшаву полкомъ казаковъ, которыми командовалъ Чернышевъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорилось въ газетахъ, по поводу его поѣздокъ изъ Парижа въ Петербургъ и обратно. Освобожденіе Винценгероде есть опять-таки eine Fügung des Himmels. Четверть часа позже они уже не встрѣтились бы на той дорогѣ, по которой Чернышевъ проѣзжалъ со своимъ отрядомъ совершенно случайно. Винценгероде, какъ уроженецъ Гессена, безъ сомнѣнія, былъ бы разстрѣлянъ въ Вестфалии; его разстрѣляли бы и во французской арміи, если бы французскіе генералы, боясь отвѣтственности, не убѣдили Наполеона не дѣлать этого. Мы получили извѣстіе объ его освобожденіи третьяго-дня, а часъ тому назадъ я имѣла удовольствіе его видѣть. Все, что онъ рассказываетъ, весьма любопытно. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что баденскимъ войскамъ было поручено вести плѣнныхъ, и что недавно они разстрѣляли, по повелѣнію Наполеона цѣлый транспортъ, подъ предлогомъ, будто солдаты шли слишкомъ тихо.“